К. 970

Н. 348
ЕН 171
П 193

Украинская Социалистическая Советская Республика.

№ 70.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. ТРОЦКИЙ.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Цена 3 руб.

ВСЕУКРАИНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВ, 1920 г.

ЕНІ7
П193

ИЗДАНИЯ ВСЕУКРАИНСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

1. **Г. Зиновьев.** Беспартийный или коммунист.
2. **С. Н. Минин.** Кто такие коммунисты?
3. **В. И. Ленин.** Ответ буржуям на пять вопросов (рус. и нем. яз.)
4. **Н. И. Бухарин.** Работница, к тебе наше слово!
   Н. І. Бухарін. Робітнице, до тебе наше слово!
5. **Александр Бович (Генкин).** Кровавый опыт.
6. **А. Берюшина.** Почему я стала коммунисткой.
7. **В. И. Ленин.** Речь на с'езде работниц.
   В. І. Ленін. Промова на з'їзді робітниць.
8. **Е. Блонина.** Почему я стала защитницей Сов. Власти?
   О. Блоніна. Чому я зробилась прихильницею Рад. Влади?
9. Красная Звезда.
10. **В. И. Ленин.** Как коммунисты (большевики) относятся к среднему крестьянству?
    В. І. Ленін. Як комуністи-більшовіки ставляться до середнього селянства?
11. Резолюция Перв. Всер. Совещ. по работе в деревне.
    Резолюції Першої Всер. Наради що до праці на селі.
12. **А. Дівільківський.** Гнітити жидів – гнітити самих себе.
13. Резолюция Первого Всероссийского С'езда работниц.
14. **В. Карпіньский.** Як тульский селянин уму-розуму навчився.
15. **С. Мінін.** Релігія і коммунизм.
16. **К. Мещеряков.** Поповские проделки.
    К. Мещеряків. Попівське шахрайство.
17. **Н. И. Бухарин.** Всеобщая дележка или коммунистическое производство.
18. **В. М. Фриче.** Мировой красный праздник.
19. **Н. И. Бухарин.** Где настоящая свобода? (на рус и нем. яз).
20. **Артур Арну.** Мертвецы коммуны (на рус. и польск. яз.).
    Артур Арну. Мерці коммуни.
21. **Т. Гневич.** С чем вернемся (на польск. яз.)
22. Конституция Р. С. Ф. С. Р. (на польск. и нем. яз.).
23. Песни победы (на польск. яз.)
24. **А. Коллонтай.** Семья и коммунистическое государство.
    А. Коллонтай. Сім'я і комуністична держава.
25. **К. Самойлова.** В об'единении—залог победы.
26. **А. Коллонтай.** К истории движения работниц в России.
    Е. Блонина. Борьба работниц за последние годы.
27. **К. Самойлова.** Первый с'езд и организация работниц.
28. **Е. Вандервельде.** Парижская коммуна.
    Е. Вандервельде. Паріжська комуна.
29. **Г. Зиновьев.** Из истории нашей партии.
    Г. Зінов'єв. З історії нашої партії.

1458
944
Т 70.п

ИЗДАНИЯ ВСЕУКРАИНСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

30. **Н. И. Фалеев.** Крестьявский закон.
Н. І. Фалеєв. Селянський закон.
31. **Н. Фалеев.** За что проливала кровь Украина?
32. **К. Самойлова.** Что дала работницам Советская Власть?
33. **М. Владимиров.** Украинские крестьяне и продовольственный вопрос.
34. **А. Шлихтер.** Город и село в продовольственном вопросе.
О. Шліхтер. Місто й село в продовольч. питанню.
35. Хлебная монополия.
Хлібна монополія.
36. **Д. Манульский.** Що дає новый земельный закон селянству?
37. **Я. Тун.** Закон о земле.
38. **Г. Эрде.** Советский закон о земле.
39. **Г. Зиновьев.** Партия и профсоюзы.
Г. Зинов'єв. Партія та проф. спілки.
40. **А. Паннекук.** Раздел добычи.
41. **И. Вардин (Мгеладзе).** Майский праздник коммунизма.
42. **Л. Каменев.** История парт. коммунистов в России и В. И. Ленин.
43. **Я. Тун.** Все для транспорта,—все через транспорт.
44. **М. Ярославский.** Карл Маркс и Фр. Энгельс.
М. Ярославський. Карло Маркс і Фр. Енгельс.
45. **М. Конколь.** Коммуна 71 года.
46. **Мархлевский.** Что такое политичекая экономия и чему она учит?
47. **В. И. Ленин.** Великій почин.
В. І. Ленин. Величний почин.
48. **Е. Преображенский.** Анархизм и коммунизм.
Е. Преображенський. Анархізм і комунізм.
49. **Н. И. Бухарин.** Церковь и школа в Сов. Республике.
Н. І. Бухарін. Церковь і школа в Рад. Республиці.
50. **Н. Меньшой.** Американские цари.
51. **Зиновьев.** В. И. Ленин.
52. **И. Марьянов К. Волков.** Причины хозяйственной разрухи.
53. Конституция У. С. С. Р.
Конституція У. С. Р. Р.
54. **А. Прилуцький.** Кого в ради вибірати, кого в шию треба гнати.
55. Резолюция и постановления IX с'езда Р. К. П. (рус., польс., укр., евр. и нем. яз.).
56. **Н. Бухарин и Е. Преображенский.** Азбука коммунизма, ч. I.
Н. Бухарин та Е. Преображенський. Абетка комунізму, ч. I.
57. **Н. Бухарин и Е. Преображенский.** Азбука коммунизма, ч. II.
Н. Бухарин та Е. Преображенський. Абетка комунізму, ч. II.
58. Геть партізанщину. Статті Раковського, Самсонова, Горлова, Кумача.

ИЗДАНИЯ ВСЕУКРАИНСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

59. **Н. Бухарін.** Програма комуністів-більшовиків.
60. **В. І. Ленин.** Лист до робітників та селян України.
61. **Я. Яковлев.** Против польских панов и польских наймитов.
62. **В. И. Ленин.** Выборы в Учредительное Собрание и Диктатура Пролетариата.
63. **М. Красний.** Правда про петлюрівські брехні.
64. **М. Стерня.** Про Петлюру—панську шкуру.
65. Партийная работа в деревне.
Партійна праця на селі.
66. **Ливень** Комуністичне будівництво. Збірник статтів до IV Всеукр. З'їзду Рад.
67. **В. Чубарь.** Трудовий під'йом.
68. **М. Владіміров.** Продовольча політика Радянської влади на Вкраіні.
69. **Блакитний.** Диктатура пролетаріяту чи всенародня влада.
70. **Л. Троцкий.** Парижская Коммуна и Советская Россия.
71. **Х. Раковський.** Робітники та селяне, об'єднуйтесь на борьбу з шляхтою.
72. **Володимирський.** Організація Рад. влади на місцях.
73. **Х. Раковський.** Проти польских панів—все для перемоги.
74. **Г. Зиновьев.** Польское наступление.
75. Манифест III Интернационола (на рус. и пол. яз.) Маніфест III Інтернаціоналу.
76. **М. Красний.** Народня війна.
77. Продовольча справа та селяньска біднота.
78. **Ширвіндт.** Червоне право та народній суд.
79. **Н. Калюжний.** Тяжка хвороба.
80. **Винниченко.** Проти Петлюри (збірник статтів.)
81. **М. Красний.** Треба розжувати (казка для дорослих.)
82. Продовольча справа та всесвітня боротьба. Збірник статтів.
83. Народня війна. Збірник статтів.
84. **Н. Голий.** Червона Армія.

Тип. „ПСЮР" Харьков.

К.
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
12175
481
1930
1062948
3099/36 с.1.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ.

(Глава из готовящейся к печати новой книги т. Л. Троцкого).

Короткий эпизод первой революции, совершенной пролетариатом для пролетариата, кончился торжеством его противников. Этот эпизод с 18 марта по 28 мая продолжался 72 дня.

„Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.". Н. Л. Лавров. Петроград. Изд. т-во „Колос", 1919 года, стр. 160.

Неподготовленность социалистических партий Коммуны.

Парижская Коммуна 1871 года была первым, еще слабым историческим опытом господства рабочего класса. Мы дорожим памятью Коммуны, несмотря на крайнюю ограниченность ее опыта, неподготовленность участников, смутность программы, отсутствие единства в среде руководителей, нерешительность замыслов, безнадежную растерянность исполнения и фатально обусловленный всем этим ужасающий разгром. Мы ценим в Коммуне „первую, хоть весьма бледную зарю республики пролетариата", по выражению Лаврова. Совсем иное дело—Каутский. Посвятив значительную часть своей книжки („Терроризм и Коммунизм") груботенденциозному противопоставлению Коммуны Советской власти, он главные преимуще-

ства Коммуны видит в том, в чем мы видим ее беду и ее вину.

Каутский усердно доказывает, что Парижская Коммуна 1871 г. не была „искусственно" подготовлена, а явилась неожиданно, застигнув революционеров врасплох,—в противоположность ноябрьской революции, которую наша партия тщательно подготовляла. Это бесспорно. Не решаясь ясно формулировать свои глубоко-реакционные мысли, Каутский не говорит прямо, заслуживают ли одобрения парижские революционеры 1871 г. за то, что не предвидели пролетарского восстания и не успели к нему подготовиться, и нужно ли нас порицать за то, что мы предвидели неизбежное и сознательно шли ему навстречу. Однако же, все изложенное Каутским построено таким образом, чтобы вызвать у читателя именно это представление: на коммунаров просто свалилось несчастье (баварский филистер Фольмар когда-то выражал сожаление, что коммунары не пошли спать вместо того, чтобы брать в руки власть)—и потому они заслуживают снисхождения; большевики сознательно шли навстречу несчастью (завоеванию власти), и поэтому им не будет прощения ни на этом, ни на том свете. Такая постановка вопроса может показаться невероятной по своей внутренней несообразности. Тем не менее, она совершенно неизбежно вытекает из позиции „независимых"-каутскианцев, которые втягивают голову в плечи, чтобы ничего не видеть и не предвидеть, и если делают шаг вперед, то лишь получив предварительно доброго тумака в спину.

„Унизить Париж,—пишет Каутский,—не дать ему самоуправления, лишить его положения столицы, разоружить его, чтобы затем с полной уверенностью отважится на монархический государ-

Парижская Коммуна и терроризм.

Пространное сравнение между Коммуной и Советской Россией Каутскому нужно только для того, чтобы оклеветать и унизить живую и победоносную диктатуру пролетариата в пользу попытки диктатуры, относящейся к уже довольно отдаленному прошлому.

Каутский с чрезвычайным удовлетворением цитирует заявление Центрального Комитета национальной гвардии от 19 марта по поводу убийства солдатами двух генералов: „Мы говорим с негодованием: кровавая грязь, при помощи которой хотят запачкать нашу честь, является жалкой клеветой. Никогда нами не постановлялось убийство, никогда национальная гвардия не принимала участия в исполнении преступления".

Разумеется, у Центрального Комитета не могло быть никакого основания брать на себя ответственность за убийства, к которым он не имел отношения. Но сантиментально-патетический тон заявления очень ярко характеризует политическую робость этих людей перед буржуазным общественным мнением. И не мудрено. Представителями национальной гвардии являлись люди в большинстве своем с очень скромным революционным стажем. „Ни одного известного имени,—пишет Лиссагарэ.—Это мелкие буржуа, лавочники, чуждые замкнутым кружкам, большею частью до тех пор чуждые и политике" (стр. 70).

„Скромное, несколько боязливое чувство грозной исторической ответственности и желание как можно скорее избавиться от нее,—пишет о них же Лавров—проглядывают во всех прокламациях этого Центрального Комитета, в руки которого попали судьбы Парижа" (стр. 77).

Приведя для нашего посрамления декларацию относительно крови, Каутский дальше вслед за Марксом и Энгельсом критикует нерешительность Коммуны: „Если бы парижане (то есть коммунары) настойчиво преследовали Тьера по пятам, им, может быть, удалось бы завладеть правительством. Отступавшие из Парижа войска не оказали бы им ни малейшего сопротивления... Но Тьер без помехи отступил. Ему позволили увезти с собой свои войска, реорганизовать их в Версале, наполнить новым духом и укрепить" (стр 49).

Каутский не умеет понять, что те же самые люди и по тем же самым причинам издали цитированное выше заявление 19-го марта и позволили Тьеру безнаказанно отступить и собрать войска. Если бы коммунары *победили* при помощи одних лишь средств духовного воздействия, тогда их заявление получило бы большой вес. Но этого не случилось. На деле их сантиментальная гуманность была лишь оборотной стороной их революционной пассивности. Люди, которые волей судьбы получили власть в Париже и не понимали необходимости немедленно использовать эту власть до конца, броситься вслед Тьеру и, прежде чем он успел опомниться, разбить его наголову, сосредоточить в своих руках войска, произвести необходимую чистку командного состава, овладеть провинцией,—такие люди, конечно, не были склонны к мерам суровой расправы над контр-революционными элементами. Одно тесно связано с другим. Нельзя преследовать Тьера, не арестуя тьеровских агентов в Париже и не расстреливая заговорщиков и шпионов. Считая убийство контр-революционных генералов недопустимым „преступлением", нельзя развить энергию в преследовании войск, руководимых контр-революционными генералами.

В революции высшая энергия есть высшая гуманность. „Именно те люди,—справедливо говорит Лавров,—которые дорожат человеческой жизнью, человеческой кровью, должны стремиться организовать возможность быстрой и решительной победы и затем действовать как можно быстрее и энергически для подавления врагов, так как лишь этим путем можно получить минимум неизбежных жертв, минимум пролитой крови" (стр. 225).

Заявление 19-го марта может, однако, получить более правильную оценку, если его рассматривать не как безусловное исповедание веры, а как выражение преходящих настроений на другой день после неожиданной и бескровной победы. Совершенно чуждый понимания динамики революции, внутренней обусловленности ее быстро наростающих настроений, Каутский мыслит безжизненными схемами и искажает перспективу событий произвольно подобранными аналогиями. Он не понимает того, что мягкосердечная нерешительность вообще свойственна массам в первую эпоху революци. Рабочие переходят в наступление лишь под давлением железной необходимости, как они переходят к красному террору лишь под угрозой белогвардейского истребления. То, что Каутский изображает, как результат особо высокой морали парижского пролетариата в 1871 г., на самом деле характеризует собою лишь первоначальный этап гражданской войны. Такие же явления наблюдались и у нас.

В Петербурге власть была завоевана нами в ноябре 1917 г. почти без пролития крови и даже без арестов. Министры правительства Керенского были отпущены на свободу очень скоро после переворота. Более того, казачий генерал Краснов, наступавший на Петербург вместе с Керенским уже

после того, как власть перешла к Совету, и захваченный нами в плен в Гатчине, был отпущен на свободу на другой же день под честное слово. Это было „великодушие", совершенно в духе первых шагов Коммуны. Но это было ошибкой. Недавно генерал Краснов, провоевавши против нас около года на юге и истребивши многие тысячи коммунистов, снова наступал на Петербург, на этот раз в рядах армии Юденича. Более жестокий характер пролетарская революция получила лишь после восстания юнкеров в Петербурге и особенно после подготовленного кадетами, эс-эрами, меньшевиками восстания чехо-словаков на Волге, массового истребления ими коммунистов, покушения на Ленина, убийства Урицкого и пр. и пр.

Те же самые тенденции, только в первичной стадии, мы видим и в истории Коммуны.

Толкаемая логикой борьбы она принципиально встала на путь устрашения. Создание Комитета Общественного Спасения было продиктовано для многих его сторонников идеей красного террора. Комитет назначался для того, чтобы „рубить головы изменникам" („Journal Officiel" № 123), чтобы „поражать измену" (там же, № 124). К „устрашительным" декретам следует отнести распоряжение (3 апреля) об аресте имущества Тьера и его министров, о разрушении дома Тьера, о разрушении Вандомской колонны, в особенности же декрет о заложниках. За всякого расстрелянного версальцами пленного или сторонника Коммуны должно было быть расстреляно тройное число заложников. Мероприятия полицейской префектуры, руководимой Раулем Риго, имели чисто террористический, хотя и не всегда целесообразный характер.

Действительность всех этих мер устрашения парализовалась бесформенным соглашательством

руководящих элементов Коммуны, их стремлением примирить буржуазию с совершившимся фактом при помощи жалких фраз, их метаниями между фикцией демократии и реальностью диктатуры. Последнюю мысль прекрасно формулирует покойный Лавров в своей книжке о Коммуне.

„Париж богатых буржуа и нищих пролетариев, как разносословная, политическая община, требовал во имя либеральных начал полной свободы слова, собраний, критики правительства и т. д. Париж, совершивший революцию в пользу пролетариата и поставивший своей задачей осуществить эту революцию в учреждениях; Париж, как община эмансипированного рабочего пролетариата, требовал революционных, т. е. диктаториальных, мер относительно врагов нового строя“ (стр. 143—144).

Если-бы Парижская Коммуна не пала, а продолжала держаться в непрерывной борьбе, не может быть никаких сомнений в том, что она оказалась бы вынуждена перейти ко все более и более острым мерам подавления контр-революции. Правда, Каутский не имел бы при этом возможности противопоставлять гуманных коммунаров безчеловечным большевикам. Зато и Тьер, вероятно, не имел бы возможности учинить свое чудовищное кровопускание пролетариату Парижа. Пожалуй, история не осталась бы в накладе.

Самочинный Центральный Комитет и „демократическая“ Коммуна.

„19 марта,—повествует Каутский,—в Центральном Комитете национальной гвардии одни требовали похода на Версаль, другие—аппеляции к избирателям, третьи—принятия прежде всего революционных мер, как будто каждый из этих

шагов,—глубокомысленно поучает нас автор,—не был одинаково необходим и как будто они исключали друг друга" (стр. 54). В дальнейших строках Каутский по поводу этих разногласий в Коммуне преподносит нам подогретые банальности о взаимоотношении реформы и революции. На самом деле вопрос стоял так: если наступать на Версаль и делать это, не теряя ни одного часа, то нужно было тут же реорганизовать национальную гвардию, поставить во главе ее наиболее боевые элементы парижского пролетариата и тем самым временно ослабить Париж в революционном отношении. Но устраивать выборы в Париже, одновременно, выводя из его стен цвет рабочего класса, было бы бессмысленно с точки зрения революционной партии. Теоретически поход на Версаль и выборы в Коммуну нисколько, разумеется, не противоречат друг другу, но практически они исключали друг друга: для успеха выборов нужно было отложить поход, для успеха похода—отстрочить выборы. Наконец, выводя в поле пролетариат и временно обессиливая тем Париж, необходимо было обеспечить себя от возможности контр-революционных покушений в столице, ибо Тьер не остановился бы ни перед какими мерами, чтобы поджечь у коммунаров тыл белым огнем. Нужно было установить более военный, т.е. более строгий, режим в столице. „Приходилось бороться,—пишет Лавров,—противу многочисленных внутренних врагов, которые наполняли Париж и вчера еще бунтовали около Биржи и на Вандомской площади, имели своих представителей в управлении, в национальной гвардии, имели свою прессу, свои собрания, почти явно сносились с версальцами и становились решительнее и дерзче при всякой неосторожности, при всякой неудаче Коммуны" (стр. 87).

Необходимо было наряду с этим провести революционные меры финансового и вообще экономического характера, прежде всего—для обеспечения революционной армии. Все эти необходимейшие меры революционой диктатуры с трудом могли мириться с широкой избирательной кампанией. Но Каутский понятия не имеет о том, что такое революция на деле. Он думает, что теоретически примирить—значит практически осуществить.

Центральный Комитет назначил выборы в Коммуну на 22 марта, но, неуверенный в себе, пугаясь своей нелегальности, стремясь действовать в согласии с более „законным“ учреждением, вступил в нелепые и бесконечные переговоры с совершенно бессильным собранием мэров и депутатов Парижа, готовый разделить с ними власть, только бы достигнуть соглашения. Между тем, драгоценное время уходило.

Маркс, на которого Каутский по старой памяти пробует опереться, ни в каком случае не предлагал в одно и то же время избирать Коммуну и выводить рабочих в поле для войны. В письме к Кугельману Маркс писал 12 апреля 1871 г., что Центральный Комитет национальной гвардии слишком рано сдал свою власть, чтобы очистить место Коммуне. Каутский, по его собственным словам, „не понимает“ этого мнения Маркса. Очень просто. Маркс то во всяком случае понимал, что задача состояла не в погоне за легальностью, а в нанесении смертельного удара врагу. „Если-бы Центральный Комитет состоял из действительных революционеров,—совершенно правильно говорит Лавров,—он должен был бы действовать иначе. Для него было бы непростительно дать врагам 10 дней до избрания и созыва Коммуны для того, чтобы оправиться, в то время как руководители проле-

1062948
СОО 18175
БИБЛИОТЕКА ЛЕНИНА

тариата отказывались от обязанности и не признавали за собою права немедленно *руководить* пролетариатом. Теперь фатальная неподготовленность народных партий создала комитет, который считал для себя обязательным эти 10 дней бездействия" (стр. 78).

Стремление Центрального Комитета как можно скорее передать власть „законному" правительству диктовалось не только суевериями формального демократизма, в которых, впрочем, не было недостатка, сколько страхом перед ответственностью. Под тем предлогом, что он есть временное учреждение, Центральный Комитет уклонился от принятия самых необходимых и совершенно неотложных мер, несмотря на то, что весь материальный аппарат власти сосредоточивался в его руках. Но и Коммуна не переняла полностью политической власти от Центрального Комитета, который продолжал довольно безцеремонно вмешиваться во все дела. Это создавало крайне опасное, особенно в военной обстановке, двоевластие.

3 мая Центральный Комитет отправил в Коммуну депутацию, требуя себе распоряжения военным министерством. Снова поднялся, как говорит Лиссагарэ, вопрос о том, „следует ли распустить Центральный Комитет или арестовать его, или поручить ему управление военным министерством".

Дело шло тут вовсе не о принципах демократии, а об отсутствии у обоих участников ясной программы действий и о готовности как самочинной революционной организации, в лице Центрального Комитета, так и „демократической" организации, Коммуны, переложить ответственность друг на друга, не отказываясь в тоже время целиком от власти. Политические отношения, которые, каза-

лось бы, никак не могут быть названы достойными подражания.

„Но Центральный Комитет, — утешает себя Каутский, — никогда не пытался посягать на принцип, в силу которого высшая власть должна принадлежать избранным всеобщим голосованием. В этом пункте Парижская Коммуна была прямой противоположностью Советской республике“ (стр. 55). Не было единства правительственной воли, не было революционной решимости, было двоевластие, и в результате — скорый и страшный разгром. Но зато — разве это не утешительно? — не было посягательств на „принцип“ демократии.

Демократическая Коммуна и революционная диктатура.

Тов. Ленин уже указывал Каутскому, что попытки изображать Коммуну, как выражение формальной демократии, являются прямым теоретическим шарлатанством. Коммуна, по традиции и по замыслу своей руководящей политической партии, бланкистов, была выражением *диктатуры революционного города над страной*. Так было в Великой Французской революции; так было бы и в революции 1871 г., если бы Коммуна не пала на первых порах. Тот факт, что в самом Париже власть была выбрана на основе всеобщего голосования, не устраняет другого, гораздо более значительного факта: военных действий Коммуны, одного города, против крестьянской Франции, то-есть всей страны. Чтоб удовлетворить великого демократа Каутского, революционеры Коммуны должны были предварительно опросить, путем всеобщего голосования все население Франции, разрешает ли оно им воевать с бандами Тьера.

Наконец, и в самом Париже выборы произошли после бегства оттуда тьеровской буржуазии, по крайней мере, наиболее активных ее элементов, и после увода оттуда тьеровских войск. Оставшаяся в Париже буржуазия, при всей своей наглости, боялась все же революционных батальонов, и выборы прошли под знаком этого страха, который был предчувствием неизбежного в дальнейшем красного террора. Утешать себя тем, что Центральный Комитет национальной гвардии, при диктатуре которого, — к несчастью, весьма вялой и бесформенной, — прошли выборы в Коммуну, не покушался на принцип всеобщего голосования, значит поистине тенью щетки чистить тень кареты.

Занимаясь бесплодными сопоставлениями, Каутский пользуется тем, что его читатель не знает фактов. В Петербурге мы в декабре 1917 г. также избрали коммуну (городскую думу) на основе самого „демократического" голосования, без ограничений для буржуазии. Эти выборы, при бойкоте со стороны буржуазных партий, дали нам подавляющее большинство [1]). „Демократически" избранная дума добровольно подчинилась Петербургскому Совету, т. е. поставила факт диктатуры пролетариата выше „принципа" всеобщего голосования,

---

[1]) Небезинтересно отметить, что в коммунальных выборах 1871 г. в Париже принимало участие 230.000 избирателей. На городских выборах в декабре 1917 г. в Петербурге, несмотря на бойкот выборов со стороны всех партий, кроме нашей и левых эс-эров, — не имевших в столице почти никакого влияния, — участвовало 400.000 избирателей. В Париже в 1871 г. было 2.000.000 душ населения, и в Петербурге в 1917 г. 2.000.000 душ населения. Нужно принять во внимание, что наша избирательная система была несравненно демократичнее. Центральный Комитет национальной гвардии производил выборы на основании избирательного закона империи.

а спустя некоторое время и вовсе распустила себя собственным своим постановлением в пользу одного из отделов Петербургского Совета. Таким образом, Совет Петербурга—этот подлинный отец Советской власти—имеет на себе благодать формального „демократического" освящения, ничуть не хуже Парижской Коммуны.

„На выборах 26-го марта было избрано 90 членов в Коммуну. Из них—15 членов правительственной партии (Тьера) и буржуазных радикалов, которые стояли в оппозиции к правительству, но осуждали восстание (парижских рабочих).

„Советская Республика,—поучает Каутский,—никогда не позволила бы, чтобы подобные контрреволюционные элементы были допущены хотя бы в кандидаты, не говоря уже о выборах. Коммуна же из уважения к демократии не ставила выборам своих буржуазных противников ни малейшего препятствия" (стр. 55—56). Мы уже видели выше, что Каутский здесь во всех смыслах попадает пальцем в небо. Во-первых, на аналогичной стадии развития русской революции происходили демократические выборы в петербургскую Коммуну, причем Советская власть не ставила буржуазным партиям никаких препятствий, и если кадеты, эс-эры и меньшевики, имевшие свою прессу, которая открыто призывала к ниспровержению Советской власти, бойкотировали выборы, то только потому, что еще надеялись в то время скоро справиться с нами при помощи военной силы. Во-вторых, никакой об'емлющей все классы демократии не получилось и в Парижской Коммуне. Буржуазным депутатам — консерваторам, либералам, гамбеттистам—не оказалось в ней места.

„Почти все эти личности,—говорит Лавров,—или сейчас, или очень скоро вышли из советов

Коммуны; они могли бы быть представителями Парижа — свободного города под управлением буржуазии, но были совершенно неуместны в общине, которая волею или неволею, сознательно или бессознательно, полно или неполно, но все-таки представляла революцию пролетариата и хотя бы слабую попытку создать формы общества, соответствующие этой революции" (стр. 111—112). Если-бы петербурская буржуазия не бойкотировала коммунальных выборов, ее представители вошли бы в петербургскую думу. Они там оставались бы до первого эс-эро-кадетского восстания, после чего — с разрешения или без разрешения Каутского — были бы вероятно арестованы, если-бы не покинули думу заблаговременно, как это сделали в известный момент буржуазные члены Парижской Коммуны. Ход событий остался бы тем же, — лишь на поверхности его некоторые эпизоды сложились бы иначе.

Славословя демократию Коммуны и в то же время обвиняя ее в недостаточной решительности по отношению к Версалю, Каутский не понимает, что коммунальные выборы, проводившиеся при двусмысленном участии „законных" мэров и депутатов, отражали надежду на мирное соглашение с Версалем. В этом суть дела. Руководители хотели соглашения, а не борьбы. Массы еще не изжили иллюзий. Фальшивые революционные авторитеты еще не успели оскандалиться. Все это вместе называлось демократией.

„Мы должны господствовать над нашими врагами нравственной силой... — проповедывал Верморель. — Не следует прикасаться к свободе и к жизни личностей..." Стремясь предотвратить „междоусобную войну", Верморель призывал либеральную буржуазию, которую он раньше так беспощадно клеймил, создать „правильную власть,

признанную и уважаемую всем населением Парижа". „Journal Officiel", выходивший под руководством интернационалиста Лонгэ, писал: „Печальное недоразумение, которое в июньские дни (1848 г.) вооружило друг против друга два общественные класса, не может уже возобновиться... Классовый антагонизм перестал существовать..." (30 марта). И далее: „Теперь всякий раздор сгладится, потому что все солидарны, потому что никогда не было так мало социальной ненависти, социального антагонизма" (3-го апреля). В заседании Коммуны 25 апреля Журд мог не без основания хвалиться тем, что Коммуна „еще никогда не нарушала прав собственности". Надеялись завоевать этим буржуазное общественное мнение и найти путь к соглашению.

„Подобная проповедь,—совершенно правильно говорит Лавров,—нисколько не обезоруживала врагов пролетариата, отлично понимавших, чем грозит им его торжество, отнимала у пролетариата энергию борьбы и ослепляла его, как бы нарочно, в виду непримиримых врагов" (стр. 137). Но подобная расслабляющая проповедь была неразрывно связана с фикцией демократии. Форма мнимой легальности позволяла думать, что вопрос разрешится без борьбы. „Что касается массы населения,—пишет член Коммуны Артур Арну,—то она с некоторым правом верила в существование, по меньшей мере, скрытого соглашения с правительством". Бессильные привлечь буржуазию соглашатели, как всегда, вводили в заблуждение пролетариат.

Что в условиях неизбежной и уже начавшейся гражданской войны демократический парламентаризм выражал лишь соглашательскую беспомощность руководящих групп, об этом ярче всего

свидетельствовала бессмысленая процедура дополнительных выборов в Коммуну 16 апреля. В это время „было уже не до голосования,—пишет Артур Арну.—Положение стало настолько трагическим, что не было ни необходимого досуга, ни необходимого хладнокровия для того, чтобы вообще голосование могло делать свое дело... Все люди, преданные Коммуне, были на укреплениях, в фортах, в передовых отрядах... Народ не придавал никакого значения этим дополнительным выборам. Выборы были, в сущности, лишь парламентаризмом. Надо было не считать избирателей, а иметь солдат; не узнавать, потеряли ли мы или выиграли во мнении Парижа, но защищать Париж от версальцев". Из этих слов Каутский мог бы усмотреть, почему на практике не так просто сочетать классовую войну с междуклассовой демократией.

„Коммуна не есть Учредительное Собрание,—писал в своем издании Мильер, одна из лучших голов Коммуны, она—военный совет. У нее должна быть одна цель: победа; одно орудие: сила; один закон: закон общественого спасения".

„Они никогда не могли понять,—обвиняет вождей Лиссагарэ,—что Коммуна была баррикада, а не правление..."

Они начали это понимать под конец, когда было уже поздно. Каутский не понял этого до сего дня. Нет основания ожидать, чтоб он понял это когда-нибудь.

* * *

Коммуна была живым отрицанием формальной демократии, ибо в развитии своем означала диктатуру рабочего Парижа над крестьянской страной. Этот факт господствует над всеми остальными. Сколько бы политические рутинеры в среде самой

Коммуны ни цеплялись за видимость демократической легальности, каждое действие Коммуны, недостаточное для победы, было достаточно для обличения ее нелегальной природы.

Коммуна, то-есть парижская городская дума, отменяла общегосударственный закон о конскрипции. Она называла свой официальный орган „Официальным Журналом Французской Республики". Она, хотя и робко, но прикасалась к Государственному Банку. Она провозгласила отделение церкви от государства и отменила бюджет вероисповеданий.

Она входила в сношения с иностранными посольствами, и т. д., и т. д. Она все это делала по праву революционной диктатуры. Но этого права не хотел признать тогда еще зеленый демократ Клемансо.

На совещании с Центральным Комитетом Клемансо говорил: „Восстание имело незаконный повод... Скоро комитет станет смещен, и его декреты станут презираемы. Кроме того, Париж не имеет права восставать противу Франции и должен безусловно принять авторитет Собрания".

Задачей Коммуны было разогнать Национальное Собрание. К сожалению, ей это не удалось. Ныне Каутский ищет для ее „преступного" намерения смягчающих обстоятельств.

Он указывает на то, что коммунары имели своими противниками в Национальном Собрании монархистов, тогда как мы в Учредительном Собрании имели против себя... социалистов, в лице эс-эров и меньшевиков. Полное умственное затмение! Каутский говорит о меньшевиках и эс-эрах, но забывает об единственном серьезном враге—о кадетах. Именно они являлись нашей русской партией Тьера, то-есть блоком собственников во имя собственности, и профессор Милюков изо всех сил

пытался подражать маленькому великому человеку. Уже очень скоро — задолго до ноябрьского переворота — Милюков стал искать своего Галлифэ, поочередно, в лице генерала Корнилова, Алексеева, затем Каледина, Краснова и, после того, как Колчак оттеснил в угол все политические партии, разогнав Учредительное Собрание, партия кадетов единственная серьезная буржуазная партия, по существу насквозь монархическая, не только не отказала ему в поддержке, а, наоборот, окружила его еще большими симпатиями.

Меньшевики и эс-эры не играли у нас никакой самостоятельной роли, совершенно так же, как партия Каутского в революционных событиях Германии. Свою политику они целиком строили на коалиции с кадетами и тем самым предоставляли кадетам решающее положение, совершенно независимо от соотношения политических сил. Партии эс-эров и меньшевиков были только передаточным аппаратом для того, чтобы, собрав на митингах и на выборах политическое доверие пробужденных революцией масс, передать его затем в распоряжение контр-революционной империалистической партии кадетов, независимо от исхода выборов. Чисто вассальная зависимость эс-эровски-меньшевистского *большинства* от кадетского *меньшинства* являлась сама по себе худо прикрытым издевательством над идеей „демократии“. Но этого мало. Во всех тех областях страны, где режим „демократии“ задерживался слишком долго, он неизбежно кончался открытым государственным переворотом контр-революции. Так было на Украине где демократическая Рада, предавшая германскому империализму Советскую власть, оказалась сама сброщенной монархистом Скоропадским. Так было на Кубани, где демократическая Рада оказалась

под пятой у Деникина. Так было—и это важнейший эксперимент нашей „демократии"—в Сибири, где Учредительное Собрание, с формальным господством эс-эров и меньшевиков, при отсутствии большевиков, с фактическим руководством кадетов, привело к диктатуре царского адмирала Колчака. Так было, наконец, на нашем Севере, где учредиловцы, в лице правительства эс-эра Чайковского, превратились в неряшливую декорацию для господства контр-революционных генералов русских. и английских. Так произошло или происходит во всех мелких окраинных государствах: в Финляндии, в Эстонии, в Латвии, в Литве, в Польше, в Грузии, в Армении, где под формальным знаменем демократии совершается упрочение господства помещиков, капиталистов и чужестранного милитаризма.

Парижский рабочий 1871 г.—Петербургский пролетарий 1917 г.

Одно из самых грубых, немотивированных и политически постыдных противопоставлений, какие делает Каутский между Коммуной и Советской Россией, касается характера парижского рабочего в 1871 г. и русского пролетария в 1917—1919 гг. Первого Каутский изображает революционным энтузиастом, способным на высокое самоотвержение, второго—эгоистом, шкурником, стихийным анархистом.

Парижский рабочий имеет за собой слишком определенное прошлое, чтоб нуждаться в революционной рекомендации—или в защите от похвал нынешнего Каутского. Тем не менее, у петербургского пролетария нет и не может быть никаких мотивов уклоняться от сопоставления со своим

героическим старшим братом. Непрерывная трехлетняя борьба петербургских рабочих—сперва за завоевание власти, затем за ее сохранение и упрочение—представляет собою исключительную летопись коллективного героизма и самоотвержения, среди небывалых мук голода, холода и вечных опасностей. Каутский, как это разъясняется нами в другой связи, для сопоставления с цветом коммунаров берет наиболее темные элементы русского пролетариата. Он и в этом отношении не отличается от буржуазных сикофантов, которым мертвые коммунары всегда представляются несравненно привлекательнее живых.

Петербургский пролетариат взял власть на четыре с половиною десятилетия позже парижского. Этот срок дал нам в руки огромные преимущества. Ремесленный мелкобуржуазный характер старого, отчасти и нового Парижа совершенно чужд Петербургу, средоточию самой концентрированной промышленности в мире. Последнее обстоятельство чрезвычайно облегчало нам задачи агитации и организации, как и установление советской системы.

Наш пролетариат не имеет и в отдаленной мере богатейших революционных традиций пролетариата Франции. Но зато в памяти старшего поколения наших рабочих были к началу нынешней революции еще слишком свежи великий опыт 1905 г., его неудача и завещанный им долг мести.

Русские рабочие не проделали, подобно французским, долгой школы демократии и парламентаризма, которая в известную эпоху являлась важным фактором политической культуры пролетариата. Но с другой стороны, у русского рабочего класса не успели отложиться в душе горечь разочарования и отрава эклектицизма, которые до извест-

ного, надеемся, уже недалекого момента, связывают революционную волю французского пролетариата.

Парижская Коммуна потерпела военное крушение, прежде чем перед нею во весь рост встали экономические вопросы. Несмотря на прекрасные боевые качества парижских рабочих, военная судьба Коммуны сразу определилась, как безнадежная: нерешительность и соглашательство наверху породили распад в низах.

Жалование национальной гвардии выплачивалось по расчету на 162,000 рядовых и 6.500 офицеров; но число тех, которые действительно шли в бой, особенно после неудачной вылазки 3 апреля, колебалось между 20 ю и 30 ю тысячами.

Эти данные нисколько не компрометируют парижских рабочих и не дают права считать их трусами и дезертирами, хотя, конечно, и в дезертирстве недостатка не было. Для боеспособной армии необходим прежде всего централизованный и точный аппарат управления. Этого у Коммуны не было и в помине.

Военное ведомство Коммуны было, по выражению одного автора, как бы темной комнатой, где все сталкивались. Канцелярия министерства была наполнена офицерами, простыми гвардейцами, которые требовали военных припасов, продовольствия, жаловались, что их не сменяют. Их отсылали в комендантство...

„Одни батальоны оставались в траншеях по 20 и по 30 дней, тогда как другие были постоянно в резерве... Эта беззаботность убила скоро всякую дисциплину Люди храбрые скоро захотели зависеть лишь от самих себя; другие уклонялись от службы. Так же поступали и офицеры; одни бросали свой пост, чтобы идти на помощь к соседу, выдерживавшему огонь, другие уходили в город..." („Париж-

ская Коммуна 1871 г.", П. Л. Лавров, 1919 г. стр. 100).

Такой режим не мог оставаться безнаказанным: Коммуна была утоплена в крови. Но на этот счет у Каутского имеется бесподобное утешение:

„Ведение войны, говорит он, покачивая головой,—вообще, ведь, не сильная сторона пролетариата" (стр. 76).

Этот достойный Панглоса афоризм стоит вполне на уровне другого великого изречения Каутского,—именно, что Интернационал не является пригодным орудием во время войны, будучи по существу своему „инструментом мира".

В этих двух афоризмах, в сущности, нынешний Каутский—весь, целиком, т.-е. немногим больше круглого нуля. Ведение войны, видите ли, вообще не сильная сторона пролетариата, тем более, что и Интернационал создавался не для эпохи войны. Корабль Каутского строился для прудов и спокойных бухт, а вовсе не для открытого моря и не для бурной эпохи. Если этот корабль дал брешь, стал протекать и ныне благополучно идет на дно, то виной в этом буря, излишняя масса воды, чрезмерность волны и ряд других непредусмотренных обстоятельств, для которых Каутский не предназначал свой великолепный инструмент.

Международный пролетариат ставит своей задачей завоевание власти. Независимо от того, принадлежит ли гражданская война „вообще" к необходимым аттрибутам революции „вообще", остается несомненным тот факт, что движение пролетариата вперед по крайне мере в России, в Германии, в частях бывшей Австро-Венгрии, приняло форму напряженной гражданской войны, притом не только на внутренних, но и на внешних фронтах. Если ведение войны не есть сильная

сторона пролетариата, а рабочий Интернационал пригоден только для мирной эпохи, тогда нужно поставить крест на революции и на социализме, ибо ведение войны составляет довольно **сильную** сторону капиталистического государства, которое **без войны** не подпустит рабочих к управлению. Тогда остается так называемую „социалистическую" демократию просто об'явить приживалкой капиталистического общества и буржуазного парламентаризма, т. е. открыто санкционировать то, что делают в политике Эберты, Шейдеманы, Ренодели и против чего на словах как будто все еще возражает Каутский.

Ведение войны не было сильной стороной Коммуны. Именно, поэтому она оказалась разгромленной. И как беспощадно разгромленной!

„Надо обратиться,—писал в свое время довольно умеренный либерал Фио,—к проскипциям Суллы, Антония и Октавия, чтобы встретить такие убийства в истории цивилизованных наций; религиозные войны при последних Валуа, Варфоломеевская ночь, эпоха террора были в сравнении с ними детскими играми. В одну последнюю неделю мая в Париже поднято 17.000 трупов федерированных инсургентов... Убивали еще около 15 июня".

„Ведение войны вообще, ведь, не сильная сторона пролетариата".

Неправда! Русские рабочие показали, что способны овладеть также и „инструментом войны". Мы видим здесь гигантский шаг вперед по сравнению с Коммуной. Это не отречение от Коммуны,—ибо традиции Коммуны вовсе не в ее беспомощности,—а продолжение ее дела. Коммуна была слаба. Чтоб довершить ее дело, мы стали сильны. Коммуну разбили. Мы наносим удар за ударом

палачам Коммуны. Мы мстим за Коммуну, и мы отомстим за нее.

* * *

Из 167.000 национальных гвардейцев, получавших жалование, в бой шли два-три десятка тысяч. Эти цифры служат интересным материалом для выводов о роли формальной демократии в революционную эпоху. Судьба Парижской Коммуны решалась не в голосованиях, а в боях с войсками Тьера. 167.000 национальных гвардейцев представляли главную массу избирателей. Но фактически, в боях определяли судьбу коммуны 20—30 тысяч человек, наиболее самоотверженное боевое меньшинство. Это меньшинство стояло не особняком,—оно лишь более мужественно и самоотверженно выражало волю большинства. Но это все же было меньшинство. Остальные, прятавшиеся в критические моменты, не были враждебны Коммуне; наоборот, они активно или пассивно поддерживали ее, но они были менее сознательны, менее решительны. На арене политической демократии их низшая сознательность открывала возможность обмана их авантюристами, проходимцами, мещанскими шарлатанами и честными тупицами, которые обманывали самих себя. Но в момент открытой классовой войны они в большей или меньшей мере шли за самоотверженным меньшинством. Это и нашло свое выражение в организации национальной гвардии. Если-бы существование Коммуны продлилось, это взаимоотношение между авангардом и толщей пролетариата закреплялось бы все больше и больше. Та организация, которая сложилась бы в процессе открытой борьбы, как организация трудящихся масс, стала бы организацией их диктатуры,—Советом депутатов вооруженного пролетариата.

Оттиск из № 10 „Коммунистического Интернационала".
Издано в количестве 30 тысяч экземпляров.